

Спор двух субъектов: как Алишер Усманов меняет общественную дискуссию.

[Оригинал статьи.](#)

Можно было бы не замечать Навального и дальше, но по сути это вело к появлению двух параллельных информационных вселенных. Требуется какой-то инструмент коммуникации между мирами. И Усманов начал выполнять эту роль

Ответ Алишера Усманова на фильм-расследование Алексея Навального успели разобрать до мельчайших деталей. Сетевые эксперты обсудили все его параметры: мотивы, стиль языка, тон и манеру держаться, антураж и место проведения записи; в этой среде почти не вызвало сомнений, что Усманова «попросили» выступить с целью то ли отвести удар от премьера, то ли девальвировать оппозиционного лидера через снижение статуса полемики. Таким образом, видеохит известного предпринимателя позволил экспертам освежить повестку: наконец уйти от мощных дебатов по поводу того, кто и как не пустил Навального на трибуну митинга по московской реновации, на новый виток дискуссии.

Независимо от качества критики, возникшая на этом месте волна подтверждает общую проблему. Происходит резкое сужение всего смыслового пространства. От сутевых вопросов полемика переходит к второстепенным и скучным деталям, теряя широту горизонта. Наверное, эти детали очень интересны непосредственно вовлеченным участникам событий. Но они никак не затрагивают жизненные интересы целевых аудиторий.

И здесь совсем ведь не случайность, но особенность сознания. Как в семейной дразге: когда люди не могут разобрать по существу проблему отношений, они начинают цепляться к мелочам быта, выводя из них свои «принципы». Допустим, дразги – это

единственное, в чем мы всерьез умеем разбираться. Но почему они с такой легкостью вытесняют существо дела? Потому что существо дела требует другой квалификации. Там много деталей, подробностей, сложных моментов; нет однозначной картины, нельзя весь вопрос редуцировать на уровень мелких человеческих интересов. А вот вопрос «Кто и как не пустил на трибуну Навального?» легко свести до какой-то банальной мелодрамы. И дискуссия на эту тему начинает замещать отсутствие стратегической программы, взгляда в перспективу и ответа на вопрос: «А что делать дальше?» Само содержание проблемы, ради которой то ли 20, то ли 30 тысяч человек вышли на площадь, стремительно мельчает, уступая место дрызгам в среде организаторов.

С темой Усманова, на мой взгляд, произошло что-то подобное. В самом его выступлении есть определенная знаковость, которая совсем ускользает за обсуждением того, на «ты» или на «вы» должен был обращаться спикер к своему оппоненту, называть его «Лешей» или «Алексеем», является ли символической отговоркой или просто неудачной фигурой речи фрагмент про взятки и тому подобное. Усманов совершает определенный разворот всего характера дискуссии: он возвращает ей субъектность. Это говорит конкретный, живой человек, а не сконструированная функция, и обращается он к конкретному живому человеку, а не виртуальному фантому. И вот это, а не микродетали его спича здесь самое интересное.

Особенность политических выступлений последних лет состояла в том, что в большинстве случаев они были обращены в пустое пространство, не имели конкретного адресата. Да и сами спикеры были максимально обезличены. Адресатом их становились либо абстрактные понятия типа «народ», «власть», «патриоты» и тому подобное, либо – единственное исключение и поэтому единственный реальный субъект политики – президент Владимир Путин. Все остальные субъекты были только представителями абстрактных сущностей, общественная полемика между ними как между личностями отсутствовала. Ее ведь просто невозможно

вести, когда нет субъектов вообще или когда субъект только один. Конечно, некоторые вялые переругивания между так называемыми публичными фигурами (речь идет об очень условной публичности, в которой практически нет индивидуального стиля) придавали их участникам некоторую осязаемость, но все это быстро становилось скучным и гасло.

Поэтому одним из удачных приемов Навального стало то, что он максимально персонализировал свои атаки. Стал делать что-то вроде социальной рефлексотерапии на основе иглоукалывания, через воздействие на различные болевые точки и фиксацию реакции. Шаг за шагом перебирал фигуры политического истеблишмента. А поскольку фигуры, на которые воздействовал Навальный, встречную субъектность по разным причинам демонстрировать не хотели, то получалась игра в одни ворота. Для экспериментальной студии ФБК политический мир и его обитатели превратились в пространство для опытов: вот здесь есть реакция – и славно, здесь хуже – но мы уже переходим к следующему звену. Причем, зрители вынуждены вести себя в такой ситуации совершенно некритично – встречной позиции ведь нет.

Ответным ходом власти стала попытка лишить субъектности своего антагониста через игнорирование его фигуры на публичном уровне. Вообще я замечал, в нашем верхнем эшелоне очень любят поговорку «Собака лает, караван идет». Это замыленное выражение должно подчеркивать невозмутимость и дистантность погонщиков каравана. Однако по сути за этой фразой стояла неготовность к открытому субъектному поведению: отсутствие навыка и санкции на индивидуальную позицию, отсутствие внутренней уверенности.

Но выбранная линия на игнорирование оппонента оказалась неэффективной. Такие решения не давали совершенного результата и в более авторитарных системах; при современных средствах коммуникации (которые, кстати, развивает предприниматель Усманов), их ресурс ограничен. Можно было бы не замечать Навального и дальше, но по сути это вело к появлению двух параллельных информационных вселенных. В каждой из них все

работает по своей логике, но услышать из одной вселенной, что происходит в другой, невозможно. Часть населения принадлежит одной из них, часть – другой, но значительный сегмент общества начал шизофренически раздваиваться, получая автономные сигналы из различных центров. Но сознание не может долго выносить подобных нагрузок – трансформаторы могут перегореть. Требуется какой-то инструмент коммуникации между мирами. И Усманов начал выполнять эту роль. Первый пример, возможно, не самый удачный, но ценный созданным прецедентом.

Под этим углом зрения не очень важен мотив бизнесмена. То ли он решил: «Сейчас я ему скажу», то ли его попросили: «Вы, Алишер Бурханович, там ему скажите». Совершенно не обязательно здесь видеть только политические причины. У предпринимателя слишком весомый объем инвестиций и международные амбиции, чтобы пренебрегать публичной репутацией. Технические детали выступления тоже не очень важны в этом контексте, вернее, они не останутся в массовом сознании надолго. С точки зрения специалиста по коммуникациям, действительно, в ролике есть ряд неудавшихся моментов. По всей видимости, в окружении Усманова просто нет человека, который мог бы свободно и честно сказать: вот здесь лучше поправить, вот это стоило бы переписать. Отсутствие такой экспертизы и обратной связи – не редкий симптом у руководителей высокого уровня: близкое окружение остерегается давать объективную обратную связь, окружая первое лицо ореолом непогрешимости. Но это совсем не уникально и в данном случае не так принципиально. Зато возникает прецедент субъектных отношений, которые содержат как новые возможности, так и ограничения.

Во-первых, в них есть реальный обмен аргументами, соревнование в убедительности. Сообщения уже поступают не в пустоту, а конкретному адресату, который имеет все возможности для их коррекции и сопротивления. Во-вторых, такой формат требует гораздо более аккуратной работы с фактами. Неточность в деталях может скомпрометировать все сообщение целиком. Собственно, Усманов использовал эту возможность, найдя в

изначальном ролике Навального ряд фактических нестыковок. В-третьих, это будет развивать личностное начало. А когда фигура становится личностью, а не функцией, она берет ответственность и обретает голос. Выпадает из тотальной немоты и в своем индивидуальном звучании находит себя.